

УДК 316

DOI 10.23683/2227-8656.2017.4.4

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА
ЗАНЯТЫХ В РЕАЛЬНОМ
СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ
КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОГО
ПОТЕНЦИАЛА
РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ**

**SOCIAL STRUCTURE
OF EMPLOYEES
IN THE REAL SECTOR
OF ECONOMY
AS THE BASIS OF SOCIAL
POTENTIAL**

Силласте Галина Георгиевна

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук,
член Научно-экспертного совета
при председателе Совета Федерации РФ,
руководитель научной школы
«Гендерная и экономическая социология»,
Финансовый университет
при Правительстве РФ,
г. Москва,
e-mail: galinasillaste@yandex.ru

Galina G. Sillaste

Honored Scientist, Doctor of Philosophical
Sciences, Member of the Scientific Advisory
Board of the Chairman
of the Federation Council,
the head of the scientific school
"Gender and Economic Sociology",
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow,
e-mail: galinasillaste@yandex.ru

В статье анализируется специфика социальной структуры населения, занятого в реальном секторе современной российской экономики в контексте процессов реиндустриализации. Отмечается, что социальным мотором промышленности является связь новой индустриализации с социальной структурой занятых в экономике в модусе конкретного социального времени. Анализируется трансформация института собственности в контексте пересмотра социально-классовой структуры занятых в промышленно-производственном секторе. Рассматриваются «цветная революция» в социально-профессиональной струк-

The article analyzes the specificity of social structure of the population engaged in the real sector of modern Russian economy in terms of reindustrialization processes. It is noted that the connection of new industrialization with social structure of employed in the economy in the mode of concrete social time is the social motor of the industry. The transformation of the institution of property in the context of the revision of the socio-class structure of employees in the industrial production sector is analyzed. The color revolution in social and professional structure of employed in the economy and the processes

туре занятых в экономике и процессы девальвации вузовского диплома, изучаются тенденции в массовом сознании занятых в экономике.

of devaluation of the university diploma are considered. The mass consciousness tendencies of those engaged in the economy are studied.

Ключевые слова: социальная структура, реальный сектор экономики, реиндустриализация, социальный потенциал, российское общество.

Keywords: social structure, real sector of economy, reindustrialization, social potential, Russian society.

Любая постановка вопроса о модернизации российской экономики в первой половине третьего столетия будет, по моему глубокому убеждению, упираться в развитие реального сектора экономики и его индустриализацию. В основу анализа положим ряд социологических сюжетов.

Сюжет 1 «Три методологических уточнения для междисциплинарного подхода»

Уточним категорию «реальный сектор экономики» (РСЭ). Это совокупность отраслей экономики, производящих материальные и нематериальные товары и услуги, за исключением финансово-кредитных и биржевых операций, т.е. сектор, в котором создается валовой внутренний продукт. Экономически определение безупречно. Но хотелось бы обратить внимание на то, что скрыто от беглого взгляда экономистов и экономических расчетов.

О категории «социальный потенциал». Для того чтобы быть правильно понятыми, учитывая разницу научных подходов экономистов и социологов, определим свои методологические позиции. Социальный потенциал – это не социальный капитал (понятие, впервые использованное еще в 1916 г. американским исследователем образования Л.Дж. Ханифаном). Наряду с западной категорией «социальный капитал» понятие «социальный потенциал» рассматривается как системообразующий элемент экономического развития, учет которого стал по существу одним из императивов современной экономики, политики и экономической социологии.

Но социальный потенциал – это характеристика социальных и профессиональных свойств определенной социальной трудовой общности, включенной в систему социальных и производственных отношений в экономике, и обеспечивающих доступ к ресурсам других субъектов. Такова авторская позиция. Категория «социальный потенциал» снимает противоречия между рыночной и нерыночной компо-

нентами категории «социальный капитал» и более полно отражает сущность определения социального капитала.

Еще одно замечание: социальный потенциал как система отношений не ограничивается рыночными стимулами. Он обеспечивает формирование новых стимулов внедрения инноваций, моделей экономического поведения и развития, воспроизводит новые формы соединения объективных и субъективных факторов производства и аллокации ресурсов (т.е. системы распределения недостающих ресурсов). При этом на каждом уровне развития социального потенциала у него конкретные субъекты носители. На микро- и мезоуровнях – это работник, бизнес-сообщество. На наноуровне – это семья.

Функции социального потенциала: повышать солидарность коллектива и общества, поддерживать порядок и стабильность в социуме, быть своего рода «социальным клеем». Что заложено в основе социального потенциала? Трактовка человека как Homo creator. Это тип экономического человека, специалист, автор творческих идей. Короче – это творец.

И третий методологический компонент – реиндустриализация. Эта маленькая приставка «ре-» говорит очень о многом. После развала СССР (а точнее, после того, как его развалили) промышленность была охвачена глобальными процессами дезорганизации производства, дестабилизации производственной и социальной жизни на предприятиях и в региональных социумах. Реиндустриализация, или новая индустриализация, означает восстановление роли и места отечественной промышленности в качестве базовой компоненты на основе нового, так называемого шестого технологического уклада.

Одна из принципиальных и сложных задач реиндустриализации – обеспечение промышленного развития трудовыми ресурсами соответствующей квалификации, развитие социальных лифтов профессиональной мобильности, которые свяжут научный девелопмент с производственным и позволят осуществить переход отечественной экономики, промышленного производства на стадию нового индустриального развития [1, 3, 5].

Сюжет 2 «Социальным мотором промышленности является связь новой индустриализации с социальной структурой занятых в экономике в модусе конкретного социального времени»

Начнем с модуса будущего социального времени, так как задачи поддержки отраслей реального сектора и промышленной политики уже поставлены государственной программой: к 2020 г. создать и модернизировать 25 млн высокопроизводительных рабочих мест

(ВПРМ), а значит, количество рабочих мест в промышленности должно вырасти больше чем в два раза по сравнению с показателями 2013 г. На этой базе планируется повысить заработную плату, следовательно, и благосостояние населения.

По сути это задача формирования нового качества социального потенциала промышленности. Резервы ее решения кроются в перераспределении высвобождаемой излишней рабочей силы, с одной стороны, и в оптимизации численности работников – с другой. Хотя это неизбежно повлечет сокращение занятости в конкретных отраслях производства. В каких? В первую очередь в отраслях реального сектора экономики. На ближайшие 17 лет (т.е. до 2030 г.) ими станут (и уже становятся) сельское хозяйство и промышленные виды деятельности (где планируются сокращения свыше 20 %).

Куда переадресуется этот потенциал? В первую очередь в сферу услуг и торговли. Занятость в них к 2030 г. возрастет на 11 %. К этим отраслям добавятся здравоохранение и сфера социальных услуг (с 2–6 до 15–25 %). Даже при общем снижении занятости ожидается наибольший прирост высокопроизводительных рабочих мест именно в промышленных отраслях экономики. Здесь планируется создание дополнительных 2 млн мест, что позволит увеличить удельный вес ВПРМ в промышленности с 32 до 56 %. Таков экономический фон проблемы в модусе будущего социального времени.

Сюжет 3 «Социальные процессы, сопровождающие реиндустриализацию в модусе настоящего»

В связи с переходом к инновационной экономике резко обозначилась главная проблема российского рынка труда, занятости и профессий: кадры. Причем не их переизбыток, а дефицит по целому ряду направлений профессиональной подготовки, так как инновационный переход требует кадры нужной квалификации для конкретных отраслей экономики.

В каких социально-профессиональных группах дефицит? Для промышленности прежде всего в двух: в специалистах высшей квалификации (по сути инженерной, технической интеллигенции) и в квалифицированных рабочих.

Есть ли спрос на эти категории работников на рынке образовательных услуг? Социологически неоднократно подтверждается, что промышленное производство как сфера занятости и рабочий класс как его база остаются непопулярными в России. В то же время, по версии портала онлайн-рекрутмента Superjob.ru, перечень самых привлекательных работодателей года на 30–40 % состоит из представителей

компаний реального сектора экономики. И более того – обрабатывающей промышленности. Для сравнения – в 2004–2005 гг. эта цифра была на уровне 10–15 % всех работодателей. Сегодня требуются операторы станков, инженеры лабораторий, столяры-станочники, электро-сварщики и представители иных негуманитарных профессий.

С трудностями найма квалифицированных сотрудников сталкиваются 37 % предприятий. А 13 % – напротив, с нехваткой низкоквалифицированных работников. Более 70 % существующих вакантных мест требуют квалифицированных рабочих технических профессий. Но такой запрос рынок образовательных услуг удовлетворить сегодня не может. И по инерции выпускает популярных среди молодежи и ее родителей менеджеров, юристов, управленцев и экономистов.

1. Произошла глубинная трансформация структуры института собственности, а с ним и социальной структуры занятых в промышленности, цепной реакцией чего стали кардинальные изменения параметров социального потенциала РСЭ. В секторе государственной и муниципальной форм собственности остались работать 28 % работников (было 90,6), остальные 72 % трудятся в частном секторе экономики. Это высокое насыщение экономики частным капиталом [4].

2. Внутренние социальные смещения среди занятых в экономике сопровождаются тремя сложными и противоречивыми социальными процессами: ювенизацией ряда отраслей занятости, с одной стороны (особенно финансово-банковской), и геронтологической тенденцией повышения возраста занятых в экономике – с другой.

3. Изменение гендерной структуры занятых во многих секторах реального сектора и усиление гендерной асимметрии в пользу женщин (в финансово-банковском секторе, здравоохранении, образовании). Напротив, в пользу мужчин – в производственной. Важная социальная деталь: наибольший интеллектуальный потенциал концентрируется в женской гендерной общности, а безработица маскулинизируется.

Это изменения существенные, напрямую затрагивающие развитие корпоративной социальной политики внутри крупных компаний, предприятий и организаций.

Сюжет 4 «От трансформации института собственности к пересмотру социально-классовой структуры занятых в промышленно-производственном секторе РСЭ: жив ли рабочий класс?»

Известная по советским временам четырехчленная социальная структура общества (рабочий класс, крестьянство, служащие, интеллигенция) за годы рыночных преобразований стратифицировалась по

профессиональным стратам, уровню доходов, социальной престижности профессии. Невольно возникает вопрос: осталось ли в России крестьянство как класс? А рабочий класс?.. Не следует спешить хоронить отечественный рабочий класс. Оба класса остались и развиваются. Отстранение рабочих от средств труда не привело к социальной революции, но породило новую концепцию – сферу услуг. Рядовые работники торговли и сферы обслуживания составили весной 2015 г. 14 %. Предприниматели и самозанятые – 4 % (их менее 1 % среди жителей мегаполисов, но 10 % среди сельских жителей).

Какие процессы характерны для рабочего класса как движущей силы промышленного производства и его социального потенциала?

По подсчетам статистики, в промышленности представители рабочего класса составляют около 30 млн чел. Современный российский рабочий класс, как многослойный пирог, состоит из нескольких слоев: рабочая элита, рабочие высокой и высшей квалификации; рабочие среднеквалифицированного труда (по данным статистики, эта страта квалифицированных рабочих составляет 21 млн) и неквалифицированные рабочие (8,4 млн). Не говоря уже о присутствии среди рабочих слоя среднего класса. К названным выше надо добавить еще 510 тыс. работников – страту неквалифицированных рабочих ЖКХ, рекламной и телеотрасли. Особняком стоит группа (3,9 млн) – продавцы, демонстраторы товаров и т.д. Таким образом, новый рабочий класс разного уровня квалификации составляет всего около 40 % (40–36 %) от работающих россиян.

Однако реиндустриализация связана прежде всего с промышленным рабочим классом, или, как его еще называют, индустриальным рабочим классом. Каков его количественный потенциал? В конце 80-х гг. он составлял 19 млн человеко-часов – всего около 10 млн. чел. Потребность инновационной экономики в пополнении индустриального рабочего класса рабочими в первую очередь высокой и высшей квалификации. Это те, кто в программных документах определяется термином «высокопроизводительные рабочие места». По формулировке Фонда Форда, «высокопроизводительное рабочее место – это место, позволяющее получать достойную для жизни зарплату, накапливать финансовые активы и иметь карьерные перспективы».

Сюжет 5 «“Цветная революция” в социально- профессиональной структуре занятых в экономике и девальвация вузовского диплома»

На западный манер занятых в экономике (исходя из специфики сфер занятости) можно разделить на три имиджевые цветовые группы:

белые воротнички и белые блузы, синие воротнички и синие блузы и черные комбинезоны (т.е. низкоквалифицированные работники).

Страту высококвалифицированных – белые воротнички и белые блузы – составляют работники с высшим образованием (это 29 % работающих россиян). В российской терминологии это – представители новой экономической интеллигенции. К ней относятся работники, занимающиеся высококвалифицированным умственным трудом и обладающие дипломом высшего образования (это руководители, в том числе среднего или низшего звена, заместители руководителя предприятий, учреждений, специалисты на должностях, предполагающих высшее образование, в том числе офицеры).

2-ю страту – 17 % – составляют белые воротнички и белые блузы без высшего образования. Это представители тех же профессиональных позиций, что и выше, но не имеющие высшего образования.

3-я страта – основная (не менее 54 %) – включает служащих, работающих на должностях, не требующих высшего образования (это офисные работники, неофицерский состав силовых структур, лаборанты, библиотекари и т.д.). Хотя формально они могут иметь высшее образование, но для конкретного вида деятельности оно не требуется и штатным расписанием не предусмотрено.

В мегаполисах более высокая по сравнению со среднероссийской доля представителей наиболее квалифицированной группы – белых воротничков, имеющих высшее образование (37 %), 16 % – в селах.

Представители различных профессиональных групп локализуются в разных секторах экономики. Важно, что более чем две трети белых воротничков разного уровня квалификации сосредоточены на государственных предприятиях.

Таким образом, структурные позиции для квалифицированных работников нефизического труда сегодня сформированы прежде всего в бюджетном секторе. Этот факт нужно иметь в виду, так как он может оказывать влияние как на устойчивость и стабильность положения представителей разных групп на российском рынке труда, так и на особенности их трудовых мотиваций.

Наиболее высокие доходы – в страте высококвалифицированных белых воротничков, а также предпринимателей и самозанятых. Наиболее низкие оценки дают черные комбинезоны, т.е. наименее квалифицированные рабочие, а также работники торговли и бытового обслуживания.

Сюжет 6 «О тенденциях в массовом сознании занятых в экономике»

Устойчивая тенденция всех лет, начиная с эйфории 1997 г., заключается в сокращении количества сторонников частной формы собственности в экономике – 28 % в 1992 г., но 51–52 % в 2016 г. придерживаются точки зрения, что экономически более правильной является система, основанная на государственном планировании и распределении. Напротив, доля приверженцев эффективности частной собственности ежегодно сокращается: с 48 % в 1992 г. до 26 – в 2016 г.

Среди населения и занятых в промышленности (особенно) нет иллюзий о возможном снятии Западом экономических санкций с России. Напротив, 71 % россиян считает, что Запад продлит свои экономические санкции, и отношение к этим ожиданиям вполне спокойное. Более того, в 75 % случаев занятые в промышленности уверены, что «Россия должна продолжать свою политику, невзирая на санкции».

Для такой позиции есть основания. По оценкам экономически активного населения, в ближайшие годы Россия может добиться импортозамещения в плане обеспечения себя продуктами питания (мнение 74 % респондентов), лекарствами, одеждой и обувью (44–42 % респондентов). Скорее оценки в части обеспечения бытовой и компьютерной техникой, средствами связи. Здесь считающих возможным добиться импортозамещения лишь 33 %. Группа скептиков, убежденных в том, что добиться импортозамещения «совершенно не удастся», составляет от 4 до 8 %.

В целом население все хладнокровнее воспринимает западную антироссийскую санкционную риторику, и 36 % считают, что в настоящее время «Россия продолжает выходить из кризиса». Хотя у 29 % россиян точка зрения противоположная: «Нас ожидают углубление кризиса и нарастание связанных с ним проблем».

Сюжет 7 (заключительный) «В модусе будущего социального времени возможные стратегии поддержки политики реиндустриализации»

На региональном уровне доля социальных расходов региональных бюджетов выросла с 39 % в 2000 г. до почти 62 в 2015 г. Однако общие доходы пяти самых богатых регионов превышают доходы пяти самых бедных в 43 раза. Поэтому продуктивным шагом могут стать [2]:

– обеспечение так называемого стандарта благополучия для всех социальных групп, развитие внутренней корпоративной социальной

политики, выстроенной не только на выделении солидных трансфертов, но и на внедрении собственных социальных программ;

- внедрение практики гендерного бюджетирования;
- отбор и подготовка кадров, чьи знания, умения и компетентность (иначе говоря, уровень профессиональной квалификации) наиболее точно соответствуют требованиям инновационного производства.

Может, кто-то скажет, что это невозможно. Скептикам ответим словами великого исследователя Ф. Нансена: «Трудное – это то, что можно сделать сегодня. Невозможное требует немного больше времени».

Литература

1. Бодрунов С.Д. Формирование стратегии реиндустриализации России. СПб., 2013.
2. Об основных направлениях государственной региональной политики в Российской Федерации. Основные положения. М., 2016.
3. Рифкин Дж. Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. М., 2014.
4. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / под ред. М.К. Горшкова и В.В. Пастухова. М., 2015.
5. Фирсов А.В. Российская промышленность глазами россиян. М., 2016.

References

1. Bodrunov S.D. Formirovanie strategii re-industrializatsii Rossii. SPb., 2013.
2. Ob osnovnykh napravleniyakh gosudarstvennoy regional'noy politiki v Rossiyskoy Federatsii. Osnovnyye polozheniya. M., 2016.
3. Rifkin Dzh. Tret'ya promyshlennaya revolyutsiya: Kak gorizontal'nye vzaimodeystviya menyayut energetiku, ekonomiku i mir v tselom. M., 2014.
4. Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraya / pod red. M.K. Gorshkova i V.V. Pastukhova. M., 2015.
5. Firsov A.V. Rossiyskaya promyshlennost' glazami rossiyan. M., 2016.

Поступила в редакцию

14 июня 2017 г.